

А. А. Кальк

СЕМЬЯ, ФАБРИКА, ИНКУБАТОР: ОПЫТ САМООРГАНИЗАЦИИ КРЕАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА «МЕСТО»

СЕМЬЯ, ФАБРИКА, ИНКУБАТОР: ОПЫТ
САМООРГАНИЗАЦИИ КРЕАТИВНОГО
ПРОСТРАНСТВА «МЕСТО»

FAMILY, FACTORY, INCUBATOR. SELF-
ORGANIZATION OF CREATIVE SPACE "PLACE"
CASE STUDY

КАЛЬК Анастасия Алексеевна – выпускница социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: ans.kalk@gmail.com

KAL`K Anastasiya Alekseevna – Alumnus, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: ans.kalk@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта самоорганизации «Творческого содружества «Место», существовавшего в 2009–2012 гг. в бывшем промышленном здании завода им. М.И. Калинина в Санкт-Петербурге. На основе анализа отдельного кейса (собранных интервью с участниками, результатов включенного наблюдения и анализа документов) была продемонстрирована связь между накопленным символическим капиталом креативного сообщества и трансформацией его внутренней социальной структуры.

Авторы подчеркивают, что изменение характера социальных отношений между участниками креативного сообщества не рассматривается ни в западной, ни в российской литературе. Накопление символического капитала обычно понимается лишь как условие инвестирования. Так, стратегия конвертации символического капитала (в экономический), первоначально созданного сообществом в рамках бывшей промышленной территории, успешно применяется в Европе, Америке. В России, согласно существующим исследованиям, появление креативных коммерчески привлекательных зон на основе предшествующих усилий сообщества художников, музыкантов, актеров и т.п. происходит крайне редко.

В исследованиях креативных городских пространств, как правило, игнорируются внутренние процессы, происходящие в самом сообществе производителей символических смыслов, процессы, подготавливающие возможную вторую стадию трансформации индустриального пространства в XXI в.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the story of self-organized "Place" Creative Community which was located at the former Kalinina Factory premise in Saint-Petersburg in 2009-2012. The study was based on the interviews with participants of the community, insider`s observations and document analysis. The author shows the relation between the accumulated symbolic capital of the creative community and the transformation of its social structure.

According to the author, neither western nor Russian literature considers the changing character of relations between participants of the creative community. Accumulation of symbolic capital is only seen as a condition for investment. The strategy of the conversion of symbolic capital (into economic one) initially created by the community on the former industrial territory is successfully put into practice in Europe and America. As far as Russia is concerned, the emergence of creative and commercially attractive areas through the efforts of the artistic and creative community is scarce.

The studies covering urban creative areas usually ignore the inner processes which lay the ground for the second phase of the transformation of the industrial space in the XXI century.

The article describes how a small but close community is evolving, while creating its presence, into an extended union of loosely coupled individuals and small work teams.

В статье показано, каким образом изначально сплоченное небольшое сообщество, постепенно, в процессе оформления особого имени, превращается в расширенное объединение слабо связанных друг с другом индивидов и узких рабочих коллективов.

Ключевые слова: самоорганизация, креативное пространство, символический капитал, «Творческое содружество «Место», социальные отношения, промышленные здания, коллективная идентичность, внутренняя иерархия, культурное производство, креативное сообщество, креативный класс.

Keywords: self-organization, creative space, symbolic capital, "Place" Creative Community, social relations, industrial premises, collective identity, inner hierarchy, cultural production, creative community, creative class.

В 2000-е гг. на волне всеобщей капитализации художники, музыканты, актеры и т.д. получили возможность снимать помещения бывших промышленных производств на льготных условиях, при минимальной стоимости аренды. Подобные модели пространственной организации возникли в Европе и США еще в 1970-е гг. Так, С. Цукин, определяя особую модель реализации художественных практик, ориентированных на создание neighborhoods, обозначает роль таких арт-сообществ в производстве нового коллективного символического смысла (капитала) пространства лофтов, жизнь в которых становится не только понятной, но и желаемой. В контексте новой трансформировавшейся системы креативного капитализма символический капитал конвертируется в экономический и становится своеобразным аттрактором для западных бизнес-структур. Иначе говоря, произведенное художественным сообществом пространство в определенный момент оказывается в большей степени пространством уже не культурного, а экономического производства¹.

Опираясь на *предварительные* результаты эмпирического исследования отдельного кейса², попытаемся проследить *связь между накопленным символическим капиталом самоорганизованного пространства и трансформацией его внутренней социальной структуры, групповой автономии*. Основной вопрос здесь сводится к тому, *при каких условиях эта автономия, расширительно определяемая как политическая, оказалась возможна и при каких условиях оказалось сначала возможно, а затем невозможно существование коллективных практик и внутригрупповой идентичности*.

Объектом исследования стало пространство бывшего завода им. М.И. Калинина, расположенного на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. В 2009 г. актеры М. Диденко и В. Амирханов получили возможность аренды пространства для организации театральной студии. Впоследствии творческое содружество было названо «Местом», а на его территории, кроме мастерских и студий, появились жилые помещения. Постепенно

¹ В Америке на территории бывших промышленных зданий было создано большинство так называемых творческих кластеров. В Санкт-Петербурге был проведен лофт-проект «Этажи». В Москве объектом подобной джентрификации стали здания фабрики Красный Октябрь и Винзавод (см. <http://a-a-ah.ru/krasniy-oktyabr>).

² Исследование проводилось в рамках работы над дипломным проектом в январе-июне 2011 г. Собрано 32 полуструктурированных интервью с жителями и участниками «ТС Место». Сбор интервью был реализован в 2 этапа: на первом опрошены 15 участников, на втором (уже после принятия решения о расселении пространства бывшего завода им. М.И. Калинина) сделано 9 повторных интервью с теми же участниками и 8 с ранее неопрошенными респондентами. В окончательную выборку попали представители различных позиций внутри социальной структуры «ТС Место», различных сфер культурного производства, в равной степени представители возрастов от 18 до 25 и от 25 до 35 лет, в равной степени мужчины и женщины.

художниками, музыкантами, актерами, дизайнерами и т.д., арендовавшими мастерские, жилые комнаты, репетиционные помещения, «кельи», «храмы» и «штабы», были заняты 7 этажей, причем каждый из них получил собственное социальное «значение». Уникальность кейса в первую очередь обусловлена спецификой использования пространства бывшего промышленного предприятия с целью создания некоего «эффективного механизма социотворчества». Очень часто в интервью «Место» выступает как «абсолютно отдельный корабль в море жизни, на котором плавают люди: со своими законами, своими взаимоотношениями, где все другое, где нет финансовой статусности» (интервью № 10, здесь и далее – архив автора) или как «отдельное государство, состоящее из людей» (интервью № 6).

Участники «Места» так заявляли о себе в социальной сети в феврале 2011 г.:

«Место это, спонтанным, естественным путем возникшее, – единственное в своем роде уникальное пространство, раскинувшее на более чем 1000 квадратных метров 12-этажного здания многочисленные, разнонаправленные векторы движения человеческой энергии людей, ставших за последние несколько месяцев частью особого сообщества, не стандартного для питерской культурной жизни. Многие получили благодаря «Месту» возможности, которых у них не было раньше... Многие, конечно, приходя к нам и становясь частью нашего сообщества, преследовали в основном свои личные цели. Но именно это, как ни странно, может объединить нас в единую команду общего корабля, который, если мы все сделаем правильно, принесет нас на своих парусах в такое будущее, в котором все мы получим то, что заслужили своим личным и совместным с другими трудом».

Приведенный отрывок обозначает сразу нескольких проблем: естественности/спонтанности/уникальности/нестандартности логики развития пространства, его ангажированности; достаточной удаленности в социальном, культурном и экономическом плане участников «разнообразных и разнонаправленных» и, наконец, проблему генезиса групповой идентичности «единой команды общего корабля».

«МЕСТный житель» (по самоидентификации респондентов) – молодой человек (юноша или девушка) от 20 до 30 лет. Судя по анкетному опросу, самостоятельно проведенному участниками (62 респондента), более половины (54%) к моменту попадания в исследуемое пространство достигли возраста 24–25 лет. Распределение респондентов по полу (мужчин и женщин) – 45 и 55 % соответственно.

Стратегии поиска денег подразумевают достаточно широкий диапазон вариаций: от полного обеспечения за счет родителей, мелкой предпринимательской деятельности до относительно устойчивых форм занятости (постоянная/регулярная работа в соответствии с установленным графиком). Можно условно выделить 4 основные группы. К первой относятся участники «ТС Место», чьи повседневные расходы полностью покрываются родителями (17%). Вторая группа объединяет респондентов, занятых различными способами прекаритетного труда (free-lance). Область деятельности таких участников, как правило, связана с дизайном среды, интерьеров, графическим дизайном, операторской работой, переводческой и журналистской деятельностью, работой визажиста на съемках (25%).

В третью группу входят дизайнеры одежды, участники, получившие художественное образование и изготавливающие пейзажные и портретные работы под полученный заказ, мастера выполнения татуировок и плетения афрокос, а также

производители предметов, которые Ж. Бодрийяр описывает с помощью категории «китч»: украшения из различных материалов, ароматизированное мыло, предметы интерьера, выполненные из железа, дерева, бумажные изделия и т.п. К этой группе были отнесены и те участники «ТС Место», которые получали основной доход/прибыль в процессе организации публичных мероприятий (продавая билеты на концерты, модерирова платные индивидуальные и групповые «системные расстановки», организовывая собственные мастер-классы). Удельный вес участников, объединенных указанными стратегиями «поиска денег» составляет около 28% от общего числа резидентов «Творческого содружества».

Наконец, четвертую группу (30% участников) образуют те, чья деятельность связана с относительно устойчивыми формами занятости в городской больнице, офисе по продаже недвижимости, маркетинговом агентстве, театре (работа реквизитором, режиссером-постановщиком, заведующим хозяйством), печатном издании (работа бизнес-аналитика), агентстве по организации праздников, или, например, с периодическим выполнением обязанностей специалиста-электрика или сантехника.

Около половины опрошенных (48%) не имеют законченного высшего образования, 27% получили среднее специальное образование (в области дизайна одежды, интерьера, медицинской деятельности и т.п.). 18% – с неоконченным гуманитарным образованием, 10% не завершили обучение по техническим специальностям, еще несколько человек на момент исследования были студентами художественных университетов. Уникальность жизненных траекторий представителей так называемого андеграунда СССР 1970–1980-х и, позже, 1990-х с ее «разрывами», отсутствием вписанности в существующие официальные институции, отчасти может быть соотнесена с социальными траекториями респондентов-участников «ТС Место», где разочарование в существующих образовательных институциях представляло в том числе следствие несоответствия состояния предлагаемых образовательных программ действительным научным и художественным запросам студентов, актуальной общемировой действительности полей науки и культурного производства.

Другая часть респондентов – обладатели высшего образования (52%) – дифференцирована схожим образом – относительно образовательного профиля. Так, 22% опрошенных в прошлом были присвоены различные гуманитарные квалификации (филолог, журналист, социолог, юрист, экономист, философ) и 20% получили специальности, связанные с различными областями культурного производства (театральный режиссер, сценарист, оператор, художник-живописец, актер театра и кино).

В основе идентичности «МЕСТных» лежит так называемая негативная идентичность. Самоидентификация респондентов часто происходит посредством употребления таких социальных категорий, как «творческие», «инопланетяне», «необычные», «не такие как все». Он (она) отвергает мир офисов и денег, городскую улицу, комфорт, утверждает, что в данном пространстве есть все, что нужно, из него трудно и не хочется выходить, поскольку за пределами «Места» страшно и опасно. В процессе интервью он (она) подводит к окну и обличает уличное «кладбище машин», рассказывает о том, что «город превращается в большой торговый центр». «ТС Место» участники описывают как *«абсолютно отдельный корабль в море жизни, на котором плавают люди: со своими законами, своими взаимоотношениями, где все другое, где нет финансовой статусности»* (интервью № 10), или как *«отдельное государство, состоящее из людей»* (интервью № 6).

Многие опрошенные, снимающие пространство в «ТС Место» и проживающие в нем постоянно – социально необустроенны. Они приехали из других городов (75%), не имеют официальной регистрации в Санкт-Петербурге (70%) и альтернативы другого жилья (более дешевого). Иначе говоря, «креативное» пространство-резиденция³ достаточно очевидно возникает в условиях экономической доминантности участников и маргинальности их социальных позиций.

Изменение структурирующих идеологий «местных» объективируется путем приписывания схожих метафорических смыслов тому или иному этапу генезиса социальной структуры. В дискурсе большинства участников это метафоры «семья», «фабрика» и «инкубатор».

Описания этапа первичного присваивания пространства, трансформации и затем заселения первых этажей во многих интервью связаны с репрезентациями «Места» с помощью метафоры «семья»: типичные примеры подобного описания встречаются в интервью со «старожилами»: «За первые месяцы была создана по большей части СЕМЬЯ. За 2 месяца получилась небольшая семья, в которой можно было быть уверенным» (интервью № 8).

С помощью использования метафорического образа «семьи» участники прежде всего описывают особый общий приватный характер пространства, где «все на равных и ты чувствуешь себя в безопасности» (интервью № 7).

«Семья», с другой стороны – это пространство коллективного принятия решений, различных коллективных практик взаимодействия, постоянных, регулярных и **многочисленных объединений на основе общего коллективного проекта**, коллективной деятельности, в которой принимают участие практически все участники «ТС Место», в которой люди открыты для наблюдения и доступны друг для друга. Иначе говоря, «Семья» – пространство одновременно внутренне публичное: Это «абсолютно спаянный коллектив», где «все мелкие коллективы всегда участвовали в чем-то большем», «все друг другу помогали, и в творческом плане, и в каких-то бытовых вещах» (интервью № 10).

Вспоминая почти двухлетний опыт жизни в «Месте», участники выделяют первый этап: «Все взаимодействовали. У нас осенью был, наверное, самый яркий момент взаимопомощи, и это было такое единение очень позитивное» (интервью № 4).

С другой стороны, тип/этап «семья» характеризуется особой **интенсивностью «неустойчивых временных объединений»**, связанных с проведением первых «громких»

спектаклей.

Категория «Семья», в данном случае тождественна единой солидаризированной группе индивидов, обладающих схожим габитусом.

«Семья» – социальная структура, в которой социальные отношения упорядочены горизонтально, где **нет разделения между «старожилами» и «новичками»**. В «семье»

³От английского residence, буквально означающее – «место проживания». В данном случае под пространством-резиденцией подразумевается такой тип пространства, который сочетает в себе одновременно жилые и рабочие помещения (мастерские, репетиционные точки и т.п.).

существует два «отца», одновременно выступающих в роли режиссеров, готовящихся к постановке спектаклей, в роли театральных руководителей (В. Амирханов и М. Диденко). Каждый из них, по словам участников, по-разному выстраивает практики рабочего взаимодействия. «Отцы» организуют вокруг себя небольшие эмоциональные сообщества, интерес которых в большей степени связан с новыми формами театра (М. Диденко ставит «танцевальные, пластические» спектакли, а В. Амирханов занимается подготовкой актеров, условно говоря, «разговорного жанра»): *«И Вадим и Максим смогли собрать вокруг себя как-то... равно заряженных что ли людей. Как только началось расползание по всему зданию, уже стали появляться разные люди, которые хотели реализовывать какие-то собственные проекты. И поэтому это было целое здание таких – абсолютно разных, хороших, красивых, но не всегда связанных чем-то общим»* (интервью № 6).

Итак, для «семьи» в целом характерно отсутствие социальных противоречий и одновременно оформление крупных объединений участников – создание внутренне публичного пространства взаимодействия.

Следующий период условно можно обозначить как «фабрика». Именно на этом этапе началось исследование. По наблюдениям респондентов, новый этап начинался в начале лета 2011 г., когда за несколько месяцев были заселены все четыре первых этажа, *«И появилась идея – все объединить. Просто Место разрасталось быстрее, чем появлялась возможность все объединить»* (интервью № 8). «Старожилы» в сентябре 2011 г. отмечали, что *«сейчас уже не так как раньше, раньше были сборища, была особая атмосфера»*, пространство, которое было, становится идеальным типом, *«сейчас все закрылись по своим комнатам, предоставлены сами себе», «эти люди так ничего и не сделали... никаких общих проектов. Ничего»* (интервью № 3). Иначе говоря, данный период в целом характеризуется **отсутствием крупных объединений** (включающих всех или большую часть участников «ТС Место»). На этом этапе происходит реализация не столько практик какого-либо коллективного культурного производства, сколько игра символами «креативности» («необычная» одежда, прическа, поведение, дизайн пространства). Кроме того, данный период также связан с **организацией публичных музыкальных концертов**.

Наиболее яркий пример разрушения групповой автономии пространства описан в интервью с оператором, снимавшим Местные «семейные» мероприятия. В ответ на вопрос, почему он перестал снимать, Антип объясняет: *«Произошел кризис. Все начали обособливаться и думать, зачем мы помогаем друг другу, когда ничего не будет. И камера, которую мне давали бесплатно местные операторы (смех), для того чтобы документировать, они просто перестали мне ее давать. Своей камеры у меня нет. Мне просто теперь приходится брать ее за деньги в аренду»* (интервью № 14).

О том, что уже в новом отличном пространстве «каждый был сам себе на уме» свидетельствуют и другие участники: *«после лета пошел такой разлад. В какой-то момент это было единым каким-то движением, а потом превратилось в совокупность этажей и какую-то административную структуру: здесь – такие, здесь – другие, и все вместе существовали просто и особо не пересекались. Просто разнонаправленные потоки»* (интервью № 16).

Пространственная организация произведенного таким образом «Места» представляет совокупность автономных этажей и комнат. Участники структурируют собственные описания пространства относительно отдельных этажей, где каждый этаж приобретает специфическую социальную нагрузку: *«7-й этаж в основном представляет*

такую сквотическую сомнамбулу, где люди сидят и играют на барабанах, **8-й этаж** – театральная студия: периодически приходят люди и занимаются там контактной импровизацией, пластическим театром, в основном приходящие люди, которые там постоянно не находятся, занимаются либо днем, либо вечером, **9-й этаж** одно крыло – буддистский центр и т.д.» (интервью № 13).

Следующим «уровнем» структуры выступают пространства, комнаты, расположенные на различных этажах: «в соседнем крыле (на 9-м этаже) там собственно находится зал, где завтра-послезавтра будут мастер-классы Максима Диденко (1), я там тренировки по капоэйре веду, 2 раза в неделю (2), комната Кирилла (3)» (интервью № 13).

Возникает определенная зависимость: хотя многие типы практик являются сходными (мы не учитываем здесь так называемые бытовые практики), прослеживается их подчиненность пространственной структуре, или, точнее, подчиненность пространственной структуры социальной. Факты социальных несоответствий некоторых арендаторов пространств, расположенных в рамках одного этажа, объективируются **конфликты между «соседями»**: «[на одном из этажей] была студия звукозаписывающая, а рядом – комната, где человек (хоть и актер) жил, и постоянно: «Ребята, я сплю», а ему говорили: «Как это? Ты же сюда приезжал, тебя предупреждали, что здесь может быть все, что угодно» (интервью № 16).

Характер социальных отношений, функционирующих внутри пространства, трансформируется, таким образом, в сторону **оформления в разной степени закрытых, автономных и небольших рабочих и эмоциональных объединений**. Это, к примеру, объединение, состоящее из художницы по костюму, дизайнера одежды, ювелира, визажиста и мастеров резьбы по металлу (все они не имеют законченного высшего образования).

Период «фабрики» – это прежде всего период конструирования внутренней иерархии: **возникновения противоречий между «новичками» и «старожилами»**. Возникает особая связь между культурным, социальным и экономическим капиталом агента, типом практик и позицией в социальной иерархии «Творческого содружества Место». Такая иерархия возникает в результате неравенства культурного и накопленного за определенный период времени социального капитала.

Таким образом, тип «фабрики» напрямую связан с конструированием внутренней социальной иерархии – появлением социальных противоречий между «старожилами» и «новичками», между «организаторами», «соседями», изменением характера социальных объединений – возникновением совокупности небольших автономных рабочих и эмоциональных групп, функционирующих, как правило, в пределах различных этажей здания.

Последний тип отношений, сформированных в рамках «ТС Место», начинается с осени 2011 г. В качестве основной точки отсчета был взят момент заполнения всех 8 этажей и возникновения «новых» организаторов, в качестве финальной – реализация решения о выселении участников, принятое владельцами здания бывшего завода им. М.И. Калинина.

«Инкубатор» – попытка институционализации социальных отношений, оформления юридического лица. Небольшая группа «старожилов» – «новых организаторов», причем двое из них обладают высшим юридическим образованием, в декабре 2011 г. устраивает серию анкетных опросов, для того чтобы самостоятельно разобраться, кто

оказался в «Месте» и каким образом возможно упорядочить «разнонаправленные потоки», установить новые процедуры и критерии «входа» и «выхода».

Вот вопросы анкеты:

- какие творческие планы вы хотели реализовать, арендуя нежилые помещения творческого содружества «Место»;
- какие из изначально задуманных творческих планов вам удалось воплотить в жизнь;
- какие факторы или обстоятельства помешали вам в осуществлении этих планов;
- какие цели вы преследуете в обозримом будущем в рамках «Места»;
- как бы вы сами оценили эффективность использования арендуемого вами нежилого помещения для осуществления своих творческих замыслов;
- существует ли у вас возможность найма жилого помещения в Петербурге или альтернатива пребыванию в «Месте» в ночное время.

Теперь, для того чтобы попасть в «креативное» пространство и стать его частью, участник «должен что-то делать». Имеется в виду широкий круг практик, в том числе уборка помещения, организация библиотеки, кинотеатра, репетиции, пошив одежды, игра на барабанах, спортивные занятия, мастер-классы, организация выставки, кинотеатра и т.д. «Новые организаторы» разрабатывают проект устава некоммерческого партнерства «ТС Место», в соответствии с которым один из них становится «исполнительным директором», а группа, участвующая в его разработке, советом правления.

Однако подобные попытки (несмотря на декларативные заявления о том, что путь формализации – единственное спасение от неизбежного выселения) воспринимаются «местными» неоднозначно. Происходит разделение на тех, кто поддерживает инициативу Д., и тех, кто выступает категорически против: *«Постепенно стал происходить такой разлом. Одни были на стороне одних, другие на стороне других, потом появились и третьи... С этого момента «Место» стало не чем-то единым, а чем-то разъединенным»* (интервью № 24).

Содержание и особенности объединений участников на этом этапе остаются прежним (реализуется воспроизведение моделей социальных отношений предыдущего этапа «фабрики»). «ТС Место» часто теперь понимается как «инкубатор», «большой родитель», а проживание в нем – как некий специфический вид опыта, которым обладают участники. Так, именно благодаря «Месту», по словам респондентов, *«завязались некие связи, ниточки, за которые можно подергать и привлечь тех, кого ты уже знаешь, с кем ты уже работал, и тех, кто тебе по духу близок»* (интервью № 26). Тем не менее оформляется новая дополнительная линия разделения участников: поддерживающих/не поддерживающих проекты и действия «новых» организаторов. Отдельные группы участников называют их «коммерсантами», они становятся «чужими»⁴.

⁴ Самоидентификация участников в интервью происходит главным образом посредством употребления категорий «ненормальные», «инопланетяне». Из протокола наблюдения: «Сегодня произошло спонтанное обсуждение устава некоммерческого партнерства «Место». Оказалось, что участники не имеют о нем представления. Все сидящие по очереди признавали, что Данила сошел с ума. Только стал онормализоваться (т.е. оненорамализоваться) и опять... Заявляли, что против построения Вавилона, против бюрократизации, что

Сам «основатель» пространства в этот период практически не появляется в нем или «появляется так, что его никто не видит». Он считает, что «в «Месте» происходит строительство Вавилона, против которого оно было изначально направлено» (интервью № 13).

Возникает новый пласт противоречий (включающий как **индивидуальные противоречия между «организаторами» и «основателями», так и вызванные ими групповые противоречия участников** - объективации различий в социальных траекториях): «Был момент, когда мы с Дániлой начали разрабатывать анкеты, организовывать какие-то вопросы относительно выборов, общих собраний. У многих местных это вызвало достаточно странную реакцию. Они считали, что люди создали банальное ООО и сейчас пытаются организовать какую-то авторитарную структуру [Д.: мы пытались ее просто перевести в правовое поле] Начались жалобы: «Ребят, вы понимаете, так вопрос не решается». Ну а что? Дело начинали актеры, и это другой тип личности [Д.: «мыльный пузырь»]» (интервью № 22).

Описанный тип социальных отношений («инкубатор») объединяет, с одной стороны, появление новой линии разделения – основы социальных противоречий между группами участников, по-разному представляющих проект оптимальной системы распределения власти внутри сообщества, с другой – попытку институционализации спонтанно оформленных социальных отношений.

Мониторинг СМИ обнаружил, что позиционирование спектаклей, проходящих в «ТС Место», как правило, не предполагало каких-либо упоминаний о данном проекте. Доминирующей оказывалась тенденция смещения медийного внимания в сторону закрепления имени театра «The Dry Stone», руководителем которого выступал Максим Диденко, студии «Спасибо. Да» Алисы Олейник. Всего было снято 8 отдельных видеосюжетов: журналистами телеканалов «Россия», «Рен-ТВ», «Культура», «100-ТВ», опубликовано около 10 статей, посвященных «ТС Место». Наибольшее количество упоминаний (около 100) встречается в многочисленных и идентичных анонсах к фестивалю: «Улица. Место для всех»: «Организаторы фестиваля: молодежный центр театрального и киноискусства «МИГ», творческое содружество «Место», общественное объединение «Театрал» при поддержке Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными объединениями Санкт-Петербурга». Количество упоминаний самого фестиваля значительно выше значения, полученного в результате подсчета упоминаний словосочетания «ТС Место» и превышает 200 и более единиц. «ТС Место», также представлено на двух крупных информационных порталах Санкт-Петербурга: ipetersburg.ru и cityspb.ru в качестве одного из основных городских публичных культурных пространств.

Первичный уровень распространения информации об организованной на 12-м этаже бывшего промышленного здания «бесплатной» театральной мастерской может быть определен путем условного сложения достигнутых уровней символического капитала, принадлежащих руководителям – Вадиму Амирханову и Максиму Диденко.

Высшее театральное образование (СпбГАТИ), участие в многочисленных театральных проектах (театра «АХЕ», «Дерево», «Snowshow» В. Полунина), включенность в различные **профессиональные сообщества** обеспечили определенную степень «узнавания» организаторов пространства среди представителей «театрального» поля:

их пытаются загнать в те рамки, от которых они уходят. Соглашались с тем, что Данила много денег вложил в Место и они не окупаются. Ему просто обидно, пытается хоть что-то придумать – заключали собравшиеся».

«Чуть позже к нам стало ходить огромное количество людей. Мы проводили занятия каждый день. Ну (чтобы понимать) Вадим, он работал в театре Славы Полунина (SnowShow) и часто раньше снимался в кино (такая заметная личность в Петербурге), а я в театре «Дерево» работал, и тоже какая-то известность во всяких кругах таких присутствовала, и мастер-классы я раньше проводил только за достаточно серьезные деньги» (интервью № 8).

Сами участники рассказывают о причинах, повлиявших на оформление решения о вступлении в новую театральную студию следующим образом: «Он [друг] мне рассказал, что появилась театральная студия, что организовали эту студию Вадим Амирханов и Максим Диденко, что они ведут набор людей на бесплатные курсы, где каждый платит сколько может. Также я узнал, что Вадим Амирханов из SnowShow. Получается, в какой-то степени ученик Полунина, а Макс Диденко из театра «Дерево». И то и другое я очень хорошо знал. Я не мог не прийти просто» (интервью №6).

Изначальная численность группы в социальной сети составляла порядка 70 человек, так или иначе знакомых с работами театра «Дерево» и/или «SnowShow» В. Полунина. Отсутствие оплаты за обучение и возможность работы с «профессионалами» привлекли около 30 регулярно посещающих занятия «студийцев». Ими оказались **начинающие режиссеры и актеры**, уже завершившие обучение или обучающиеся по специальностям, связанным непосредственно с театральной практикой: на факультетах режиссуры, актерских факультетах и в непрофильных вузах: СПбГУ, СПбГУ культуры и искусств. В результате набора, инициированного В. Амирхановым и М. Диденко, была сформирована **группа, состоящая из (разного уровня включенности) представителей поля театра**.

Итак, первая выделенная форма коллективного символического капитала основана на образовательном уровне, профессиональных квалификациях и полученных наградах, включенности в различные профессиональные сообщества двух организаторов исследуемого пространства.

Постепенно, благодаря **публичным спектаклям** («Ад Данте», «Физика Души»), подготовленных участниками, о «Месте» и возможности недорогой аренды, становится известно в более широком кругу.

«Творческое содружество Место» начинает позиционироваться в медийном пространстве города как «уникальное театральное пространство», как особая «группа актеров». Уже после первой театральной постановки М. Диденко (совместно с группой) наделяют свой коллектив новым собственным именем «The Dry Stone». Руководитель второй части набранной группы, «генеральный директор Творческого содружества Место», как представляется журналистам В. Амирханов, не инициирует постановку отдельных спектаклей, а проводит серии учебных занятий с «МЕСТными»: «Народу становилось все больше. Мы сделали первую большую акцию. В ней участвовало 20 артистов и 30 помощников (волонтеров). Сделали огромное представление. Называлось оно «Физика Души». В нем участвовали разные театры, разные музыканты и приехал Антон Адосинский из Германии. Я был режиссером, моя коллега Алиса помогала. Пришло человек, наверное, 100 смотреть на это дело. Два дня мы показывали».

«Студийцы» постепенно начинают включаться в различные общегородские фестивали: «В апреле приезжал Антон Адосинский из театра «Дерево», в мае мы провели еще несколько акций. Спектакли. В июне стали включаться уже в городские программы, многие ребята участвовали в Дне Достоевского, и вот летом, по сути, началось уже активное заселение. О нас узнали с театральной стороны» (интервью № 10).

Среди посетителей спектаклей, друзей, знакомых участников быстро распространяется информация о «ТС Место». Относительно доступная возможность аренды больших по площади пространств привлекает **новых людей, причем уже не знакомых с основателями**. Более 30 различных участников оказываются одновременно в одном пространстве. Новые «МЕСТные» расселяются на последних четырех этажах. Среди них **«профессиональные» художники и музыканты, представители различных интеллектуальных профессий** (переводчики, журналисты, филологи, врачи).

Таким образом, второй обозначенный тип коллективного символического капитала предполагает распространение информации о деятельности некоторой группы участников среди начинающих и профессиональных представителей полей культурного производства и обладателей различных интеллектуальных специальностей.

Ключевым событием, повлиявшим на распространение информации о «ТС Место», стало **проведение фестиваля «FreakFest»**: *«Просто наши ребята предоставляли пространство для концертов очень многим молодым группам, и на эти концерты приходила соответственно аудитория этих групп... нам приезжали музыкальные группы из Берлина, Северной Америки, Финляндии»* (интервью № 16).

Последний уровень накопления коллективного символического капитала возник из-за дальнейшего распространения информации о возможности аренды помещений в собственных целях и «уникальном творческом сообществе». Этот уровень тесно сопряжен с механизмами дискурсивного конструирования категории «МЕСТного профессионала» (абстрактной категории, не соотношенной с какими-либо конкретными участниками): люди приходят учиться, получить различный опыт, познакомиться с «интересными» людьми. Так возникает своеобразная мифология «креативного» пространства (куда стремятся попасть) как пространства воспроизводства сообщества «творческих профессионалов». Речь идет о замкнутом круге: пространство способствует воспроизводству мифологии, а затем мифология социально конструирует пространство.

В то же время некоторая часть «новых» арендаторов в качестве основных мотивов переезда определяет лишь возможность аренды мастерской, необходимой для регулярной индивидуальной (или групповой) работы.

Среди новых жителей уже **мало кто знаком с основателями или с кем-либо из старожилов**: *«Когда все помещения (к осени) уже были сняты, произошло собрание... В зале собралось около 100 человек, начали все знакомиться друг с другом, и по кругу люди представлялись, рассказывали, чем занимаются и чем они могут быть полезны»* (интервью № 18).

Значительная часть новых арендаторов **приезжают из других городов**. Они занимаются дизайном одежды, ювелирным производством, игрой на барабанах, производят различные предметы интерьера, набивают татуировки, пишут портреты и пейзажи на заказ и т.д. Отдельный этаж занимает религиозное сообщество буддистов.

Усиленное внимание СМИ сопровождалось на данном этапе возникновением интереса к «ТС Место» со стороны городских правительственных организаций: *«Были попытки различных организаций нас, так сказать, заарканить: «Наши» приходили, «Молодая гвардия»* (интервью № 24).

Последний выделенный тип коллективного символического капитала характеризуется конструированием мифологий о группе участников, привлечением относительно большого числа жителей города, не включенных в функционирование полей культурного производства, связанных с ручным изготовлением продуктов индивидуализированного потребления.

Анализ трансформации пространства с момента «присвоения» помещения для занятия театральной студии В. Амирханова показывает, как постепенное накопление коллективного символического капитала (появление и увеличение культурных и социальных различий) со временем делает пространство привлекательным для многочисленных производителей китчевых предметов и религиозных сообществ буддистов.

С поправкой на изначально *относительный* характер эстетизированное сопротивление городской рациональности, объективированное, в частности в коллективных практиках культурного производства, публичное пространство постепенно, по мере увеличения удаленности агентов в культурном и социальном плане, превращения в совокупность закрытых, автономных, частных комнат оказывается утраченным.

Опыт рассмотренной инициативы свидетельствует об особой привлекательности бывших промышленных пространств для реализации «креативных» коммерческих практик, принадлежащих полю общедоступного производства, и позволяет обнаружить, как генезис внутренней социальной структуры оказывается детерминирован господством капиталистической рациональности города, низкой по отношению к другим «конкурентам» стоимостью аренды промышленного здания, постепенным накоплением коллективного символического капитала.

Джентрификаторы постсоветского города, в отличие от современных бизнесменов США и Европы, по каким-то причинам игнорируют потенциал эксплуатации коллективного символического капитала, капиталистической эксплуатации культуры. Вклад творческих сообществ в производство пространства, с точки зрения нового владельца здания, рассматривается ограниченно. Речь идет о *специфическом* парадоксе трансформации завода им. М.И. Калинина: внутренняя социальная структура пространства подчиняется капиталистической логике и становится больше похожа на некое объединение отчужденных индивидуальных предпринимателей и мелких фирм, а бизнесмен, владелец завода не готов эксплуатировать символически накопленный капитал креативного пространства.